

ОТПУСТИ МЕНЯ
ЗАВТРА

ЛЮБОВЬ ОГНЕННАЯ

Любовь Огненная
Отпусти меня завтра
Серия «На грани», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
2022

Аннотация

Разный статус, разные миры. Он оборванец, а я дочка влиятельного человека, но первая любовь не забывается. Я снова в его руках, а он... Он припомнит мне все.

Содержание

Глава 1. Ольга	4
Глава 2. Ольга	12
Глава 3. Ольга	19
Глава 4. Ольга	26
Глава 5. Ольга	33
Глава 6. Ольга	42
Глава 7. Кирилл	51
Глава 8. Ольга	59
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Любовь Огненная

Отпусти меня завтра

Глава 1. Ольга

Сейчас

Сегодня вся моя жизнь снова пошла наперекосяк. Вместо «доброе утро, доченька» я услышала:

– Сегодня ты встречаешься со своим женихом.

И нет, отец не шутил. Он говорил это на полном серьезе так, словно рассказывал о погоде за окном. Непринужденно и неоспоримо.

Уже слышала от него две недели назад о том, что он подыскал мне нового мужа. Мое мнение по этому поводу не учитывалось никогда. Это уже третья кандидатура на «долго и счастливо». Собиралась, как и всегда, быстро и болезненно избавиться от претендента на мои сердце, руку и папин бизнес. К которому, кстати, я не имела никакого отношения.

Понимала, что бастовать нет никакого смысла. Меня приволокут силой, если понадобится, – это уже пройденный этап. Действовать нужно именно с женихом. Уже дважды прокатывало, и в этот раз получится – в этом была уверена. От репутации осталось только название, поэтому обвалиться в грязи еще раз уже не так страшно. К чему она, эта репута-

ция? Если жизни, самой жизни у меня давно нет.

Наверное, будь я не такая упрямая, могла бы еще три года назад назваться чьей-то женой, но отец сделал все для того, чтобы разрушить мою жизнь. А я... Я технично разбивала вдребезги все его планы.

Помнила самого первого своего жениха. Анатолий. О нас писали во всех журналах, называя самой красивой и успешной парой года. Как же. Самая востребованная модель и владелец крупной сети ювелирных магазинов. Да мы виделись от силы три раза до дня свадьбы, но тот самый осенний день он запомнил навсегда.

Я сбежала прямо из-под венца, а через трое суток меня нашли в гостиничном номере. Пьяную, убитую до состояния «почти мертва». Пустые бутылки, кажется, наркота. Я не помнила те дни, проведенные в дурмане отчаяния. Один парень, второй, третий. Я опускалась до самого низа так, чтобы уже никогда не выбраться. Самолично подставляла голову под дуло пистолета. Жаль только, что никто так и не выстрелил.

Забрав из гостиницы, меня отмывали, откачивали. Полгода реабилитации после нервного срыва без доступа к алкоголю и даже сигаретам. Информация чудом не просочилась в СМИ. Когда я вернулась, меня спрашивали о каких-то дизайнерских курсах во Франции, а я понятия не имела, что отвечать. Так нелепо и жалко.

Думала, что отец поймет и больше не захочет подводить

меня к краю пропасти. Так и было ровно полгода. Я даже вернулась к показам и фотосъемкам, позируя для зарубежного глянца. Снялась в клипе иностранного рэпера в главной роли и попыталась снова научиться жить.

Не получилось.

Знакомство со вторым женихом прошло в тихом семейном кругу. Нас поселили в одну квартиру, чтобы мы начали общаться как можно теснее. Я и общалась. Только не с ним, а с теми, кого встречала в ночных клубах и силком волокла к нам домой. Я напрашивалась. В последний раз даже всерьез подумала, что Евгений меня убьет. Придушит собственными руками, так сильно сжимали его пальцы мою шею.

Сама позаботилась, чтобы самые пикантные подробности живенько просочились в СМИ. Неплохо заработала на этом, собираясь уехать, но нагнали меня уже в аэропорту. Тогда отец всерьез угрожал мне, а я тихо поражалась тому, насколько можно не любить своего ребенка.

Он называл меня обузой. Говорил, что не для того вложил в меня столько денег, чтобы я отплатила ему таким эгоизмом. Угрожал, что отправит меня в психушку и сделает недееспособной, взяв надо мной опеку. Мол, тогда я буду в разы сговорчивее.

Наверное, я хотела его убить. Ненавидела всем сердцем, отчетливо понимая, что для меня он – чужой человек, а для него – разменная монета в его играх. Он не был мне родным. Узнала это случайно, как раз в тот второй раз, когда его

крики разносились на весь дом. Мама уже была беременна, когда они поженились, и, увы, совсем от другого мужчины.

Благородство отца не знало границ, но лучше бы она сделала аборт, чем бросила меня с ним, по своему желанию разбившись на машине. Тогда я впервые задумалась: а был ли это суицид? Может быть, просто кто-то не захотел терять компанию, которая в случае развода досталась бы не ему?

Теперь же я снова стояла перед трудным выбором. Еще раз проверить нервы отца на прочность или все-таки смириться с судьбой. Пока второй вариант проигрывал. Просто не хотела так жить.

Разве это жизнь?

– И давай без сюрпризов. С твоей известностью я удивлен, что они вообще согласились. Я тебя предупредил, – добавил отец, а я пошла собираться.

Рыжие волосы прилипали к телу, а холодная вода остужала буйную голову. Мы сегодня просто познакомимся, а уже завтра все газеты будут рассказывать о том, как я провела эту ночь. Нужно что-то масштабное. Может быть, устроить оргию в каком-нибудь отеле и позвать туда журналистов? Ставки нужно повышать, иначе проигрыш неотвратим. Хотя, наверное, я уже давно проиграла.

Высушив волосы, я сделала легкий макияж и застегнула золотые сережки с крупными бриллиантами. Война войной, а безразличный внешний вид отец мне не простит. Темно-синие брюки обтянули стройные ноги, а того же цвета пи-

джак лег поверх нагого тела. Ни лифа, ни топа.

Нужно поддерживать образ распущенной дряни.

Обувшись, я прихватила короткий тонкий плащ и спустилась вниз. Отец пристально оглядел меня с ног до головы, скривился, но ничего не сказал. Все как обычно: машина, в которой мы сидим по разные стороны. Молчаливый водитель, мелькающие вывески магазинов на серых высотках-великанах. Столица никогда не менялась изнутри, разве что разрасталась, вбирая в себя все большие территории.

Я завидовала тем людям за стеклом. У них была своя жизнь, которую они делали сами. Кто-то спешил на обед в перерыве между работой. Кто-то наслаждался последними теплыми деньками этой осени. Кто-то влюблялся и дарил первые в этих отношениях цветы, приглашая понравившуюся девушку в кино или кафе. Дети шли со школы и тащили портфели, которые внешне выглядели в два раза больше, чем их обладатели.

Листья уже желтели местами. Я хотела бы просто остановиться в центре города. Выйти из машины и бесцельно прогуляться. Сходить в парк, покататься на роликах. Господи, да я хотела все что угодно, кроме той жизни, которая у меня была. И ведь не сбежишь. Все равно найдут, как бы ни старалась спрятаться, а там... Кто его знает, что со мной может случиться.

– Его имя Кирилл. Не забудь, пожалуйста. Этот союз очень важен для нашей компании, – проговорил отец, не гля-

дя на меня.

– Для твоей компании, – не удержавшись, исправила я.

– Для нашей, – повторил он с нажимом. – Это твое будущее.

– Да нет, это будущее Кирилла.

Наслаждалась тишиной, хоть она и была густой, нервной, гнетущей. Имя претендента в мужа отозвалось в сердце болью. Отголоском той старой боли, которая все никак не хотела затихать. Я помнила его до сих пор, часто встречая в своих снах. Нередко кричала по ночам, раз за разом проживая тот кошмар. Явно ощущала, как в сердце врезается нож, а рукоять проворачивается, оставляя на месте души кровавое месиво.

Помнила темный взгляд – такой серьезный, пронзительный, но чаще нежный. Его теплые руки и объятия, что могли скрыть от всего мира. Мы любили подолгу лежать рядом и просто молчать, и это не вызывало дискомфорта. Наоборот, только рядом с ним я чувствовала себя в безопасности. Я чувствовала себя по-настоящему счастливой.

Авто остановилось на парковке перед офисным зданием. Водитель открыл дверцу, и я вышла на улицу, впитывая кожей теплые потоки ветра. Каждый шаг по ступеням давался с трудом. Меня словно вели на смертную казнь, а я и не сопротивлялась.

Дежурная улыбка администратору, лифт на третий этаж и дувстворчатые двери, ведущие в просторный холл. Весь этот

путь я проделала словно в тумане – механически, без единой мысли. Голоса сливались с какофонией звуков, а меня уже вели в кабинет, подталкивая в спину, чтобы шла живее.

– А вот и мы. Александр Владимирович, Кирилл, – громко произнес отец, проходя вперед, чтобы поздороваться, а я остановилась на пороге.

Словно в замедленной съемке следила за тем, как молодой человек с темными волосами оборачивается, а черный надменный взгляд пригвождает меня к полу. Нечем дышать, воздуха не хватает, но я не могу ни сдвинуться с места, ни сбежать. Так и стою подобно нелепой статуе, тогда как хочется перекреститься.

Ведь я сама своими глазами видела, как три года назад на вокзале он умирал. Я поверила отцу, когда он огорошил меня новостью о смерти Кирилла. Я оплакивала его все эти годы, живя воспоминаниями, уничтожая себя, желая лечь на кладбище рядом с ним, а он был жив.

– Знакомьтесь, это моя дочь – Ольга. Твоя будущая жена, Кирилл.

Молча посмотрела на отца. Хотела, чтобы он сказал мне, что это шутка, нелепый розыгрыш. Хотела, чтобы он хоть как-то объяснил мне происходящее. Была на грани обморока, отчаянно цепляясь за действительность. Разве отец не помнит, кто перед ним?

– Оля, познакомься, это Кирилл. Сын Александра Владимировича, моего хорошего друга.

Еще ни разу в жизни я так сильно не желала провалиться в беспамятство. Не знала, что дальше, как дальше, потому что последние три года моей жизни были посвящены осознанному саморазрушению. Я просто не понимала, как повернуть время вспять.

Глава 2. Ольга

Три года назад

– Ну и балаган... – осматривала небольшой клуб, который выглядел так, словно в нем совсем недавно прогремел взрыв.

Полуразрушенное здание, конечно, имело крышу, двери и стены, но о ремонте здесь не слышали вообще. Голая кирпичная кладка, какие-то картины и рисунки прямо поверх этого убожества. Яркая несуразная мебель и барная стойка, пронизанная неоновыми лентами.

Я словно попала в гости к поп-звезде или какому-нибудь новомодному стилисту, который занимался интерьером своей лачуги в пьяном угаре. Музыка гремела в ушах, и приходилось громко говорить, чтобы тебя услышали.

– Что ты сказала? – прокричала Альбина, цепляясь за мою руку.

– Говорю, что обстановка – мрак! – ответила я ей, напрягая голосовые связки.

– Ничего ты не понимаешь! Сейчас это самое модное место! Здесь зависает вся тусовка!

Альбина подтащила меня к бару, где уже и без того толпился народ. Бармен ловко разливал коктейли, готовя за раз по пять-десять штук. Мне достался какой-то оранжевый напиток. На дне бокала плавала оливка, но мартини назвать эту субстанцию можно было только с натяжкой.

– Пошли танцевать!

После третьей порции коктейли показались не такими уж дрянными, а музыка и вовсе зажигательной. Веселились вместе с Альбиной в центре танцпола, давая фору всем стесняшкам, жмущимся по углам. Не замечала никого и ничего, отрываясь по полной, когда в клубе появился он.

Я сразу выделила его среди других, хотя он в этом и не нуждался. Симпатичный парень пришел вместе с группой ребят. Увидев меня в толпе, он остановился и больше не сводил с меня взгляда до тех пор, пока не закончилась мелодия. Стоял, опираясь спиной о стену, а лукавая улыбка выглядывала из-под низко опущенного капюшона.

Он кивал в такт мелодии, пока я изучала его взглядом. Обычный, такой как все, но почему-то привлекал мое внимание. Черная футболка и того же цвета толстовка, скрывающая его тело. Темные джинсы и кеды с белоснежной подошвой. Рукава были закатаны до локтей, а ведь там, на улице, уже пришла осень.

Россыпь татуировок обнимала руки витиеватым узором, но отсюда не могла разглядеть, что там нарисовано. Какие-то знаки или надписи. Не желала, чтобы видел мое внимание, но все равно то и дело возвращалась к нему взглядом.

Изредка к парню подходили друзья, что-то говорили, звали к себе за столик наверх, но он улыбался, отвечал, однако с места не сходил. Все изменилось, когда мелодия закончилась. Альбина потащила меня к бару, чтобы заказать очеред-

ную порцию коктейлей, а я обернулась, желая увидеть своего молчаливого визави.

Его не было. Ни там, у стены, ни наверху, где разместились его друзья. В панике искала парня взглядом, пока Альбина что-то лепетала о том, как здесь классно, да и вообще, стоит наведываться сюда почаще.

– Привет? – услышала я за своей спиной, мигом обернувшись.

Он стоял так близко. Склонился надо мной, едва не касаясь губами моего плеча. Парень оказался вблизи еще симпатичнее. В его темных глазах плясали чертики, а на щеках выделялись милые ямочки. Легкая небритость придавала ему особого шарма, а его татуировки интриговали. Не знала эти символы, а потому расшифровать не могла.

Альбина сделала большие глаза и показала мне кивком, что находится неподалеку. Такой подставы от подруги я не ожидала, но нисколько не показала, что смутилась. В конце концов, здесь целая куча народа.

– Привет, хочешь угостить меня коктейлем? – спросила, заправляя за ухо выбившуюся прядь.

– Мне кажется, это ты хотела угостить меня. Разве нет? – выдал этот наглец, облакачиваясь на стойку.

Одна моя бровь медленно поползла вверх, стараясь обогнать вторую, которая тоже на месте не стояла. Это что же? Меня сейчас разводят? Всегда считала, что это обязанность парней – покупать девушке напитки и все прочее, а иначе

разве это мужчина?

– Два синеньких, – кивнула я бармену, удивляясь и даже поражаясь поведению незнакомца. Свои действия я могла оправдать только тем, что была обескуражена.

Высокие рюмки опустились на стойку, а парень придвинулся ближе ко мне.

– За знакомство? – спросил, усмехаясь.

– А мы уже познакомились?

Он все больше шокировал меня, но производил приятное впечатление. Мне нравились мужчины, умеющие правильно себя подать. Конкретно этот индивид уже обогнал по показателям абсолютно всех, с кем я когда-либо встречалась.

– Ну как же? Разве ты не помнишь? Я подошел и сказал: «Привет, я Беркут», – говорил он на полном серьезе. Его стопка опустела, и он взял ту, что предназначалась мне.

– Хорошо, а я что ответила? – наблюдала за тем, как он одним махом опустошает и вторую стопку.

– А ты ответила: «Привет, меня зовут Оля, и я хочу угостить тебя выпивкой». Кстати, неплохо бы повторить.

Я давно так не смеялась. Альбина час как уехала домой, ссылаясь на то, что ей завтра рано вставать в универ. Она и меня пыталась утянуть, взывая к благоразумию, но я не поддавалась. Беркут не давил, не вмешивался, ничего не говорил, не просил остаться. Я сама приняла такое решение, потому что рядом с ним здесь, в этом клубе, пронизанном сигаретным дымом, мне было куда лучше, чем дома. Дома меня ни-

кто не ждал.

– Признайся, откуда ты знаешь мое имя? Я не помню, чтобы мы где-то встречались раньше. – Сидела рядом с ним на диванчике, разместив свою голову у него на груди.

Беркут неспешно затягивался сигаретой и выпускал клубы дыма вверх, ласково поглаживая меня по волосам. Нестерпимо хотелось спать. Голова кружилась, перед глазами закладывала виражи карусель, но я не торопилась уходить. Наверное, даже до машины добраться не смогла бы, не то что до дома. Хотя переночевать в авто не такой уж и плохой вариант.

– А мы встречались. Точнее, не так. Раньше мы виделись очень часто, – все же соизволил ответить парень.

– Да ну? Где ты живешь? – я даже попыталась подняться, чтобы посмотреть ему в глаза, но голова закружилась сильнее.

– Эх, ты. Лисенок, ты совсем не умеешь пить. Что ты здесь делаешь? – усмехнулся он, укладывая меня обратно.

– Наверное, тебя искала. Может быть, скажешь мне свое имя?

Его короткое «лисенок», наполненное нежностью, сводило с ума, окуная в волны блаженства. Я чувствовала себя маленькой девочкой, которая, наконец, нашла того, кому действительно нужна.

Нет, не рассчитывала на серьезные отношения. От этого парня можно ожидать чего угодно, а потому не надеялась

зря. Лучше обману себя сегодня, притворяясь, что принадлежу ему, чем буду думать о том, чем закончится завтра.

– Думаешь, что сможешь вспомнить? Забудь, то была другая жизнь.

– Нет. Как вообще такое можно забыть. Признайся, что просто узнал мое имя у кого-то, а теперь треплешь мне нервы. – Улыбалась, вдыхая аромат терпкого парфюма.

От него пахло чем-то ярким, как солнце. Кажется, это были цитрусы в смешении с мятой и щепоткой корицы. Запах, словно густой сигаретный дым, обволакивал, ложился на мою кожу, пропитывая и одежду. Я хотела запомнить этот аромат.

– Трепать нервы – это женская прерогатива, а я просто умалчиваю. Не хочу, чтобы ты сбежала. – Приподняв пальцами мой подбородок, Беркут смотрел мне в глаза, но не приближался. Будто ждал, пока я сама потянусь за поцелуем. За первым поцелуем.

– Если бы хотела сбежать, то уже ушла бы. – Проверяли на прочность терпение друг друга, а между нашими губами оставались какие-то миллиметры.

– Нет, не ушла бы. Я бы не отпустил.

Карусель играла свою музыку даже в темноте сомкнутых век. Меня уносило на мягких волнах, а объятия становились крепче, тверже. Губы касались губ. Кто сократил расстояние между нами? Он или я? Это настолько неважно, что я готова свалить всю вину на себя.

Мягко, нежно, неторопливо. Мы изучали друг друга каждым касанием. Шепот срастался с рваными вдохами, а Беркут ловил каждый мой выдох. Не понимала его слов, не слышала, требуя, настаивая на том, чтобы поцелуй продолжался. Останавливал меня. Слегка прикусывал губы, причиняя отрезвляющую боль, но невозможно привести в чувство того, кто пьян не от алкоголя.

Жадно ловила его губы, а мои ладони скользили по его груди, чтобы спрятаться под темной футболкой. Ногти царапали живот, наверняка оставляя полосы, а парень злился, заменяя агрессию страстью. Не знаю, в какой момент я оказалась лежащей на диване. Прижимал мои руки к обивке, нависая подобно ястребу. Тяжело дышал. В темных глазах отражалось безумие, а с лица исчезла даже тень веселья.

– Не играй со мной, лисенок. Я все равно тебя обыграю, – прошептал он, скользя губами по моей шее.

– Знаешь, а я очень люблю играть.

Глава 3. Ольга

Три года назад

Перечитывала конспект, пытаюсь расшифровать свои каракули. На парах приходилось писать очень быстро и многое сокращать, а потом часами играть в разгадывание ребусов, чтобы понять хоть что-то. Память у меня была выборочная, а потому в большинстве случаев все важные темы я заучивала наизусть. Особенно тяжело приходилось с длинными формулами. Ненавидела высшую математику, но без нее на экономическом никуда.

Громкий стук раздался неожиданно. Вздрогнула, но не сразу поняла, откуда он появился. Лишь тогда, когда звук повторился, я обратила внимание на окно и увидела, как через раскрытые настежь створки влетел небольшой камушек. Он ударился о пол и, подпрыгнув, скрылся в высоком ворсе темного ковра.

С недоумением подходила к окну. Осторожно выглянув из-за легкого невесомого тюля, тут же обзавелась широкой улыбкой. Не ожидала увидеть под своим окном Беркута. Он стоял с букетом ромашек, а рядом с ним подчистую была оборвана клумба.

Бессовестный тип.

Разглядывала его внешность, поражаясь тому, насколько он симпатичный, притягательный. Обаятельные ямочки вы-

делялись четкими дугами на его лице. Кепка скрывала темные волосы, а саму кепку – белый капюшон толстовки. Серое длинное пальто с большими черными пуговицами в два ряда не было застегнутым и выглядело небрежно. Белые кеды ярким пятном выделялись на фоне серых спортивных штанов. Эдакий разгильдяй. Чертовски обворожительный негодяй.

– Ты что здесь делаешь? – спросила я, опираясь руками о широкий подоконник.

– Зову тебя гулять, – он произнес это как что-то само собой разумеющееся.

– Но как ты узнал, что я живу именно здесь? – хмурилась, на полном серьезе подумывая о том, что парень может преследовать меня.

Совсем не помнила то, каким образом вернулась домой. Я проснулась уже в своей постели. Отца не было, как и всегда, а на кухне готовила завтрак Лена – наша помощница по дому.

– Ты смеешься? Я привез тебя сюда под утро. Лисенок, тебе совсем нельзя пить. Выходи, давай, я тебя жду.

Быстро натянув на себя спортивный костюм, накинула сверху жилетку. На ходу засовывала в сумку кошелек, ключи от машины и телефон. Куда торопилась? А черт его знает. Просто хотелось поскорее оказаться рядом с парнем. Альбина сегодня мне все уши прожужжала про то, какая я ненормальная. Не спорила с ней, соглашалась. Не понимала, что именно меня влекло к Беркуту – флер таинственности, его внешний образ или то, что было тщательно спрятано внутри.

Мне нравились плохие парни. Всегда попадались именно те, кто вдребезги разбивал мне сердце, но с другими было скучно. Я питалась эмоциями, драйвом в отношениях. Мне казалось, что Беркут как раз мой типаж, но не хотела, чтобы он оказался очередным, а потому старалась не показывать свою заинтересованность.

Ага, сказала та, что перепрыгивает через ступеньки и несется к нему навстречу. Опасно.

Любила играть, но проигрывать не желала. Нужна дистанция. Она просто необходима – так говорит Альбина. Тогда парень не будет расслабляться, снова и снова пытаюсь добиться понравившуюся девушку. В предыдущих отношениях у меня не получилось взять себя в руки, но здесь собиралась приложить максимум усилий.

– Ну и зачем ты оборвал клумбу? – спросила я, старательно пряча улыбку.

– Мне показалось, что с цветами мое появление будет выглядеть куда эффектнее, – вручил он мне букет, а я, сама того не желая, вдохнула ускользящий аромат цветов.

Еще неделя, и ромашки бы зачахли под осенним ветром. Никогда не срывала их с этой клумбы, а теперь не понимала почему.

– Мог бы купить. – Шла к машине, а парень не отставал ни на шаг.

– Знаешь, то, что куплено, не имеет высокую цену, сколько бы оно ни стоило. Главное – это эмоции, которые человек

испытывает, получая тот или иной презент. Цветы завянут, но ты будешь помнить о них только потому, что я оборвал твою клумбу. Их ценность в воспоминаниях, – красиво выкрутился этот наглец, открывая передо мной дверцу пассажирского сиденья.

– Это моя машина, – напомнила я ему, укладывая охапку на задние сиденья.

– Знаю, но ты ведь не против, что поведу я? Этой ночью ты не возражала. Точнее, была не в состоянии возражать, – подмигнул он, закрывая дверцу.

– Хам, – улыбаясь, шепнула я вслух.

Мы как раз выезжали за ворота, когда на территории особняка появилась папина машина. Захотелось по-детски спрятаться, съехать на сиденье вниз, чтобы он меня не увидел, но понимала, насколько это глупо. Его лицо мигом окрасилось во все оттенки недовольства, а я готова была провалиться сквозь землю.

– Эй, ты чего, лисенок? – тронул меня за руку Беркут, прибавляя газу.

– Да так, не обращай внимания. Плохо, что папа видел тебя за рулем. Мне предстоит выволочка, – совсем невесело усмехнулась я, поднимая на него глаза.

– Вали все на меня. Просто скажи, что я украл твою машину вместе с тобой, – улыбнулся он одним уголком губ, вновь демонстрируя притягательную ямочку на щеке.

– Папа отлично стреляет, – предупредила я на всякий слу-

чай.

– Что нам пули? – картинно нахмурил он брови. – Ради тебя я готов на все.

Понимала, что он говорит это шутливо, но все равно было до безумия приятно. Тепло покалыванием разлилось по коже, отметилось мурашками. Рядом с Беркутом я ощущала легкость, хоть совсем и не знала его. Словно в мире все действительно было вот так просто – без подводных камней и сложных объяснений. Еще вчера заметила в нем эту черту. Он не усложнял.

Хочешь быть рядом – будь. Такой была его позиция. Без никому не нужных почему и потому что. Я так не могла. Зависала на словах, на фразах, на действиях, проигрывая их в своей голове. Искала объяснения, причины, оправдания. Я привыкла так жить, а этот парень открывал для меня совсем другой мир, в котором мы друг другу ничего не должны. Принять такое вот так – с разбегу – очень тяжело.

– И все-таки, как твое имя? – обратилась я к нему, когда мы выехали на трассу.

– Оно все равно тебе ничего не даст.

Беркут смотрел на дорогу, а я искоса поглядывала на него, любуясь правильными чертами. Хотелось еще раз прикоснуться к полным губам. Очертить их кончиками пальцев или почувствовать их вкус через поцелуй.

Мне было мало того, что я получила вчера. Руки подрагивали от желания еще раз ощутить под ладонями твердые

мышцы. Стало невыносимо жарко, а он мягко улыбался, будто понимал, что у меня от него едет крыша. Только оттого, что он здесь – рядом.

– С чего ты взял? У тебя примечательная внешность. Я обязательно вспомню, – убеждала я его.

Беркут не ответил. Лишь коротко хмыкнул, показывая тем самым, что сомневается в моих словах.

– Ну, хотя бы скажи, где именно мы познакомились? В клубе или у кого-то на тусовке? У нас есть общие друзья? – не отставала я, переплетая наши пальцы.

Посмотрев на это действие, парень поднял взгляд и ответил четкое:

– Нет. На все твои вопросы.

– Может быть, мы учимся в одном универе?

– Я нигде не учусь. Теперь. Окончил два курса в МГАХИ и забрал документы.

– Почему?

– Потому что так бывает, лисенок, что обстоятельства становятся выше нас. Пристегнись-ка, – кивнул он на ремень, не сводя с меня пронзительного взгляда.

Будто прошивал душу насквозь, пока я тянула ремень безопасности. Но стоило мне посмотреть на дорогу, как я тут же запаниковала и закричала:

– Фура! Черт, мы на встрече!

Тело застыло, а я зажмурилась, понимая, что сейчас все и закончится. Перед глазами под чужой пронзительный гудок

пролетела целая жизнь, которой оказалось слишком мало, чтобы вот так умирать. Страх облепил сознание, заглушил все звуки. В ушах стучал пульс, а во рту стало сухо как в пустыне...

– Эй, лисенок, ты испугалась? – чужие пальцы погладили меня по щеке, а я вдруг поняла, что не дышала все это время.

Резко распахнув веки, я взглянула на довольного Беркута, а потом и на дорогу. Мы спокойно ехали по своей полосе, обгоняя тех, кто плелся как черепаха. Меня трясло, и дрожь не хотела утихать.

– Немедленно останови, – прошипела я сквозь сжатые зубы.

– Что?

– Немедленно останови!

Глава 4. Ольга

Три года назад

Авто остановилось, и я вылетела из машины словно ужаленная. Стояла, опираясь на свою малышку, и никак не могла прийти в себя. Глубокий вдох, медленный выдох. Трясло так, словно я была трактором на последнем издыхании. Прохладный воздух обжигал легкие, но не мог утихомирить нервы. Черт, мы только что чуть не попрощались с жизнью...

– Эй, ты как? – подошел ко мне Беркут, пытаюсь обнять за талию, но я вывернулась из его рук, чтобы пройти вперед.

Оборачивалась медленно, стараясь взять эмоции под контроль. Все уже закончилось, но, черт возьми, как хочется на него накричать!

– Не смей больше никогда так делать, – тихо проговорила я, взвешивая каждое слово.

– Серьезно, так сильно испугалась? – усмехнулся он, а губы его искривились. – Неужели хорошая девочка ни разу не обгоняла по встречке?

Я не сдержалась. Набросилась на него с кулаками, а он смеялся, нисколько не препятствуя. Обнимал – не крепко, но ощутимо. Позволял мне выплеснуть весь ужас, весь страх, чтобы сжать, спрятать у себя на груди. Чтобы приподнять пальцами подбородок и медленно коснуться губ. Давал вспомнить, привыкнуть, понять, насколько мне необходим

этот поцелуй. Насколько сильно я его желала.

– Скажи мне свое имя, – мольба, не просьба.

Почти на грани того, чтобы удариться в слезы. Он нужен был мне как воздух, как вода в пустыне. Смотрела в его глаза, но никак не могла вспомнить. Я бы обязательно запомнила этот взгляд, полный превосходства. И эти ямочки. И тело, что сводило с ума рельефами мышц. Я бы обязательно запомнила, если бы видела раньше.

– Ты ведь уверен, что я не вспомню, – последняя попытка.

Не скажет – развернусь и уеду. Оставлю его здесь, чтобы никогда больше не вспоминать. В любое другое время я бы согласилась поиграть, но не сейчас. Душа рвется, а это уже больше, чем влюбленность, больше, чем зависимость и похоть. Больше, чем желание обладать именно этим мужчиной.

– Кирилл. Тебе это что-то дало? – широкая бровь насмешливо изогнулась, но я отчетливо ощущала его эмоции.

Ему было невесело, мне – так тем более. Да только это именно я потянула его обратно в машину, а с неба, словно по указке, хлынул настоящий ливень. Тяжелые капли стучали по крыше, отбивали свой дробный ритм, а я целовала парня, одновременно пытаюсь разложить сиденья.

Не дал.

Сам справился. И со мной, и с машиной. Как много может измениться всего за секунду. Лежала под ним. Так странно, но ощущала себя под защитой. Пальцы подрагивали, когда пробралась под его футболку. Болезненные касания. Все

внутри сжималось, а я беспощадно царапала его спину ногтями.

Не сомневалась в правильности того, что сейчас происходило. Я хотела этого, а он... Он хотел не меньше. Жадно истязал мои губы. Не целовал, наказывал. Ладони так привычно, так собственнически проходились по моему телу, сжимали ягодицы и талию. Он причинял боль, но я хотела ее. Она была нужна мне, чтобы я точно понимала, что это не сон. Чтобы осознавала каждое касание.

Обнажена. Беззащитна перед ним. Страсть схлынула на время, но не навсегда. Меня пугал его взгляд. Жаждающий, изучающий. Он рассматривал меня, едва касаясь руками, пальцами, очерчивая каждый изгиб. Не сопротивлялась. Давала насладиться превосходством, силой. Грудь тяжело вздымалась, а я видела перед собой желание зверя. Он был в своем праве.

Тяжесть чужого тела будоражила. Едва навис надо мной, уже не сдерживала своих порывов. С трудом не разорвала футболку, спешно стягивая ее с Кирилла. Пальцы запутались в его ремне, но парень помог мне, а я услышала его усмешку. Да, мне не терпелось.

Адреналин танцевал свою музыку где-то в ушах, подпрыгивал в сердце, а я не слышала ничего, кроме шепота, что лился на меня сладкой патокой.

– Лисенок... Девочка моя... Родная...

Мне так нужна была его нежность, но еще больше я нуж-

далась в его силе, в его страсти. Купалась в эмоциях, что рождались ежесекундно, закручиваясь в ураган, который никто из нас не хотел останавливать. Целый мир вдруг сузился до одного-единственного человека. Я хотела бы сказать, что знаю его всю жизнь, но это неправда. Совсем не знала его, однако отдавать свою душу это не мешало.

Он не целовал. Изучал губами мою кожу, каждый сантиметр тела, прокладывая свои личные дорожки-тропы. Обхватывал губами розовые ареолы, играл языком с горошинами сосков, а мне так было мало этого. Хотелось больше, хотелось его в себя.

Темный взгляд завораживал, пьянил. Это красное тягучее вино мы разделяли поровну. Выгибалась навстречу его телу. Не могла без него. Хотелось вжаться, соединиться, прочувствовать, а он словно специально тянул, не давая даже прикоснуться к себе.

– Кирилл, пожалуйста... – прошептала едва ли на грани сознания.

– Не Кирилл, – зло возразил он, прикусывая зубами мой подбородок.

– Беркут.

Не соображала толком, но, как только слова были произнесены, парень вошел в меня, пронзая единым порывом. Не щадил, не скупился на желаемое. Мышцы сжимались непроизвольно, а жар охватывал лоно, грозясь сжечь дотла. Онемение прокатилось неудержимой волной. Ярким взрывом про-

неслось по позвоночнику, чтобы рассыпаться в затылке на миллиарды звезд.

Стон вырвался произвольно. Стон, полный наслаждения, которое не скрыть, не забрать обратно. Мурашки прощербивали дорожки вслед за пальцами мужчины, а я смотрела на него сквозь опущенные веки. Хотела видеть, хотела запомнить. Каждую деталь, что отпечатывалась в сознании. Что еще долго будет жить в памяти.

Порывистые движения сменялись тягучими, томными, теплыми. Я умирала в его объятиях, но желала каждую свою смерть, как и каждый его поцелуй. Губы болели, я устала, но, наверное, сама бы придушила его, если бы остановился, прервался хоть на секунду. Эту жажду не утолить. Всегда будет мало. Его будет мало.

– Если так ты пыталась вспомнить, то в корне неверная стратегия, – усмехнулся Кирилл, крепче прижимая меня к себе.

Хотя куда еще крепче? Я и так лежала на нем, наслаждаясь запахом его тела, размеренным стуком сердца. Оно билось чуть быстрее, чем мое, – будто вот-вот собиралось остановиться. Это пугало. Я не боялась Кирилла, нет. Я боялась, что могу его потерять.

– Дождь затих, – ответила я невпопад.

Больше всего на свете я хотела бы сейчас нежиться в его объятиях в теплой постели. Спать, видеть красочные сны, только чтобы он был рядом.

– Лисенок? – тихий шепот на грани яви и сна.

– М? – только и сумела ответить.

Все-таки уснула, а просыпаться никак не желала. Он меня вымотал. Разве можно так издеваться над девушкой? Так сладко, так нежно, так невыносимо желанно...

– Тебе лучше одеться, мы подъезжаем.

Чужие пальцы то и дело щекотали мою ногу. Пыталась спрятать ее под... Хм... Под пальто Кирилла, которым была накрыта.

– Куда мы? – спросила чуть слышно.

– Ко мне. Не могу же я позволить тебе спать в машине.

После этих слов я мигом пришла в себя. Наскоро одевалась и все смотрелась в зеркальце, думая о том, что сейчас меня, возможно, познакомят с родителями, но, к моему облегчению, этого не свершилось. Кирилл жил один на окраине столицы. Об этом говорил минимализм однокомнатной квартиры, в которой было все самое необходимое и ничего кроме.

Небольшая кухня с пустым холодильником, широкая кровать и напротив нее телевизор на стене. Шкаф – полупустой и крохотный санузел, в котором вдвоем не развернуться. Чисто, но скучно. Я привыкла к другому, хотя и пыталась не показать своего удивления.

– Иди в душ первая, – вручил он мне широкое банное полотенце. – Иди одна, иначе поспать тебе так и не удастся.

Поспать мне, кстати, удалось. Получив от парня футбол-

ку, которая свисала с одного моего плеча и прикрывала даже колени, я прилегла на постель, чтобы дождаться, пока из ванной выйдет Кирилл, но бессонная ночь отразилась во всей красе. Я вырубилась моментально, а проснулась от коротких поцелуев, что щекотали плечо.

– Ммм... Сейчас бы чего-нибудь поесть, – простонала я, оборачиваясь.

За окном уже плотно обосновался вечер, а может быть, и ночь. Одним глазом подглядывала за мужчиной, чья хитрая усмешка вынуждала сердце в предвкушении замирать.

– У меня есть майонез, – с важным видом проговорил парень, уверенно подгребая меня к себе.

– И все? – ужаснулась я, понимая, что нам вполне может грозить голодная смерть.

– Ну почему же? Еще есть соль. – Забравшись под футболку, целовал мой живот, а я извивалась под ним, стараясь уползти из-под его хватки, но меня уверенно возвращали обратно.

За продуктами мы отправились только через час. Через час, за который мое тело исследовали полностью, будто там еще остались неизведанные участки. Папина карточка опустела почти на пятнадцать тысяч, а я впервые в своей жизни варила борщ. Под неусыпным руководством Кирилла, разумеется.

И знаете, это был самый лучший чертовски пересоленный борщ в моей жизни.

Глава 5. Ольга

Три года назад

Я сбегала к нему почти каждый день. После учебы или показов моя машина всегда ехала к одному и тому же дому, потому что именно там мне было хорошо.

Кирилл не удивлялся. Уже на третий день понял, что проще дать мне запасную связку ключей, чтобы я могла попасть в квартиру и в его отсутствие. Не знала, где он пропадал и чем занимался. Говорил, что у него есть работа, – я предполагала криминал. Более того, он посещал тренировки, но в подробности я не вдавалась. Точнее, меня в них настойчиво не посвящали.

Избегала отца все эти недели. После очередного скандала дома почти не появлялась. Разве что переодеться да забрать какие-то мелочи. Трубку не брала. Не могла простить его за те слова, которые услышала. Он обещал мне в самое ближайшее время найти супруга, который займется моим воспитанием и выбьет дурь из моей головы. Понимала, такой человек никогда не бросает слов на ветер. Этого и опасалась.

Пряталась. Да, по факту я пряталась в квартире у Беркута. Он знал о причинах, но ничего не советовал, попросту не лез. Давал самой разобраться в своей жизни, за что я была ему безумно благодарна.

Был и еще один человек, общения с которым я избегала.

Альбина звонила мне по несколько раз на дню, но трубку я не брала. Не хотела раз за разом выслушивать одно и то же. Она считала Кирилла неподходящей для меня партией. Откровенно презирала его, а едва они познакомились ближе в кафешке, беседа тут же перешла в словесную войну. Она пыталась укунить его, но Беркут лишь насмешливо поглядывал на нее с толикой превосходства во взгляде. Видела, что она ему не понравилась, но с собой ничего не могла поделать. На данном этапе жизни он был для меня важнее.

– И кто это тут спит? – раздался шепот над моим ухом, а в нос ударил аромат роз.

Только они так пахли. Почему-то мне всегда казалось, что эти цветы имеют запах травы. Не ощущала ничего утонченного и никогда не понимала, чем восторгаются знакомые, получая такие букеты. Нет, я не спорю, смотрятся очень красиво, но не имеют роскошного аромата, о котором так любят судачить поэты.

Приоткрыв веки, довольно улыбнулась. На соседней подушке лежали бархатные бутоны с кроваво-красными лепестками и белая коробочка Рафаэлло. Чужая рука смело пробиралась под одеяло.

– Который час? – спросила хриплым со сна голосом, подвигаясь ближе к парню.

– Почти четыре, а ты до сих пор в постели. Нет бы как правильная жена покормила уставшего мужа обедом... – его ладонь скользнула на внутреннюю сторону бедра, пробира-

ясь к лону.

– Я его еще не приготовила, – простонала я, осознавая, что провалялась в дреме половину дня. – Если хочешь, могу сделать мясо по-французски.

Обернувшись, я закинула на Кирилла и руку, и ногу, а потом вообще переползла к нему на грудь, вдыхая самый лучший аромат – запах его тела.

– Нет-нет, спасибо. У нас закончилось лекарство от изжоги, – рассмеялся он, подхватывая меня под ягодицы. – Ммм, так мы еще не пробовали, – примерялся, вжимаясь в меня своим телом.

– Хам! По какому случаю цветы и конфеты?

– А для этого обязательно должен быть случай? – наглые ладони пробрались под футболку и направились вверх, но я перехватила их.

– Ты их украл? – спросила в шутку, но по глазам поняла, что так оно и есть.

– Собирайся, пойдем прогуляемся.

Несмотря на то, что я фактически жила у Кирилла весь месяц, мои вещи здесь можно было пересчитать по пальцам. Не хотела ничего привозить, чтобы он вдруг не подумал, что я навязываюсь. Нет, предпочитала считать, что мы до сих пор ни в чем друг другу не обязаны. Так сердце будет меньше болеть, когда сказка закончится. А она ведь закончится – по-другому и быть не может.

Черные брюки, сапоги на шпильке, белая водолазка. Свет-

ло-коричневое пальто легло поверх плеч. Мне нравилось привлекать к себе внимание, но я любила выглядеть элегантно. Был в этой простоте какой-то особый шарм, но не дорогая одежда делала человека. Тряпки ничего не значат без того, что спрятано под ними.

– Ты красивая.

Беркут стоял за моей спиной, обнимая за талию. Смотрел на меня через отражение в зеркале, а я разглядывала нас. Мы подходили друг другу внешне, но...

Даже сейчас явно прослеживалась та пропасть, что лежала между нами. Спортивный стиль в одежде, татуировки на шее и руках, взгляд, не обремененный проблемами. Разгильдяй – это слово напрашивалось само собой. Рядом с ним я видела другую девушку – проще. Ему нужна была отличница, которая принимала бы его таким, какой он есть. Домашняя девочка, которая взирала бы на него доверчиво. Та, которую не волновали бы вопросы финансов.

– Ты куда? – спросила, когда мы вышли из подъезда.

Я направилась напрямик к машине, а Кирилл потянул меня в другую сторону. Это так привычно – держать его за руку. Так правильно.

– Сегодня мы прогуляемся пешком, не против?

Улицы неспешно сменяли друг друга, а Беркут рассказывал о собаке, которую так сильно хотел купить. Щенок стаффордширского бультерьера стоил каких-то пятнадцать тысяч. Собиралась подарить его ему, но это будет только зав-

тра, когда продавец вернется в город.

– Пойдем в ресторан? Ты ведь голодный, – прижималась я к нему, а мы стояли на мосту и наблюдали за тем, как наглые голуби отбирают друг у друга кусочки булочек.

– Если ты приглашаешь.

Небольшой ресторанчик нашелся буквально метров через двести. Администратор забрала у нас верхнюю одежду и проводила к свободному столику. Кирилл вел себя непринужденно, а я рассматривала интерьер. Что-то смешанное – Франция, Италия. Но пахло здесь исконно русскими блюдами. Аромат жареного чеснока разносился по всему залу, вынуждая желудок сжиматься в болезненном голодном спазме.

– Я буду сырный крем-суп, спагетти, греческий салат и ягодный чизкейк, – продиктовала я официантке, отдавая папку с меню.

Парень посмотрел на меня укоризненно, будто я собиралась объесть именно его. Я же лишь пожала плечами в ответ. Конечно, я не съем все, что заказала. Да и не собиралась на самом деле, но попробовать и понадкусывать мне никто не помешает.

Если честно, после своей так называемой подготовки я откровенно радовалась возможности поесть нормально и без вреда для здоровья.

– Мне стейк и запеченный картофель, – кивнул Кирилл.

– Напитки?

– Чай с лимоном.

– Как расплачиваться будете?

– Картой, – привычно ответила я, протягивая девушке пластик.

Официантка ушла, а я вдруг вспомнила о важном.

– Мне через две недели нужно будет уехать. Меня пригласили участвовать в показе в Милане. Два дня на поезде туда и два дня обратно. Неделя там, – проговорила отрешенно, но из-под опущенных век внимательно наблюдала за реакцией парня.

Он помрачнел. Темный взгляд завораживал, а скулы стали четкими, очерченными. Пальцы непроизвольно сжались. Ему не нравилось то, чем я занимаюсь, но явного недовольства он никогда не выражал. Теперь же я видела его реакцию и наслаждалась ей.

– Если хочешь услышать от меня, что я буду скучать, то зря надеешься, – обжигал эмоциями, но я уже привыкла к такой его манере общения. Он не из тех, кто будет говорить о любви.

– Простите, но ваша карта заблокирована. Может быть, у вас есть другая карта или вы оплатите наличными? – прервала нас официантка, возвращая мне карту.

Сердце запнулось, чтобы тут же зайтись в дробном ритме. Отец все-таки выполнил свое обещание. Лихорадочно вспоминала, сколько у меня в кошельке налички. Выходило около пяти тысяч, но на сколько их хватит? С таким обедом только на сегодня. А дальше как?

– Что ты на меня смотришь? У меня на такую роскошь денег нет, – усмехнулся Кирилл, нисколько не стесняясь говорить о таком вслух при постороннем человеке. Щеки мои вмиг опалило жаром. – Пойдем привыкать к обычной жизни, – поднялся он с места, подавая мне руку.

– В каком смысле?

– Покажу тебе, как живут те, у кого во рту нет золотой ложки.

Меня съедало чувство стыда, пока мы шли по улице. Беркут что-то говорил, но я не слышала его, полностью растворяясь в собственных мыслях. Как я теперь буду жить? Показы только через две недели. Я участвую в тридцати пяти из ста сорока и получу чуть больше семидесяти тысяч, но до этого времени еще нужно дожить.

Пять тысяч на две недели? Да у меня машина больше съедает. Бензин, косметика, еда, одежда. Я не привыкла экономить. Я не знаю, что такое экономить и жить на гроши. И пятнадцать тысяч на щенка. Где я теперь их возьму? И за учебу платить зимой...

Страх и паника охватывали. Ощущала себя рыбой, которую безжалостно выкинули на берег. Хорошо, что есть машина. Может быть, начну таксовать. А что? Многие так работают.

Черт, да кого я обманываю?

– Эй, ты чего скисла? – тронул меня за подбородок Беркут, привлекая к себе внимание.

Не заметила, что мы остановились у ларька с говорящей вывеской «Шаурма».

– Не дрейфь, прорвемся. У меня сегодня бой, так что деньги будут. – Костяшки пальцев погладили мою щеку.

– Ты же обещал, что не будешь драться, – наконец вникла я в разговор. Душа ушла в пятки, а перед глазами поплыло. – Ты же говорил, что только тренировки! – толкнула я его, не сдерживая гнева.

– Не кипишуй, лисенок, – сжал он мои запястья, обнимая крепче. Смотрела на него снизу вверх, пытаюсь взглядом проделать в нем дыру. Но нет, о совести мы не слышали. – Все будет хорошо, обещаю.

Короткий детский поцелуй в нос, но в этот раз так легко не получится. Видел это, понимал, а потому нагнулся, чтобы достать до моих губ. Мстительно укусила в ответ, но долго не могла на него злиться. Этим и пользовался.

– Приготовишь сегодня что-нибудь вкусное? – сидели на лавочке, поедая донары.

Честное слово, сначала я отказывалась есть это непонятное нечто, но, попробовав из рук Кирилла, просто не смогла остановиться. Меня убьют в агентстве, если я поправлюсь, но, черт возьми, оно того стоило. Жареная картошечка, мясо с корочкой, огурчик, помидорчик, майонезик, кетчуп, капуста, лучок...

Я будто побывала на небесах, испытал настоящее блаженство.

– Ммм... – простионала я, прожевывая. – Боюсь, что так вкусно я приготовить не смогу.

– Знаешь же, что я непривередливый. Только не соли, ладно? Я лучше сам.

Я гонялась за ним по парку, на ходу доедая донар. Шпильки утопали в земле, а я то и дело норовила встретиться носом с опавшими листьями. Еще немного, и скоро выпадет снег. Твою ж мать, еще же резину менять!

В очередной раз запнувшись, я нелепо взмахнула руками и полетела вперед. Беркут успел поймать меня... С собой. А на его белой толстовке красовалось пятно от моего недоеденного донара. Сделав несчастные глаза, попыталась улыбнуться:

– Я тебе новую куплю.

– А стирать не умеешь? – его ладони заползли под пальто и бессовестно обосновались на моих ягодицах, собственнически их поглаживая.

– Ты за кого меня принимаешь? – попыталась я сползти, но мне не дали.

– За моего рыжего хитрого лисенка, которому еще предстоит научиться жить в этом жестоком мире.

Глава 6. Ольга

Три года назад

Прекрасно понимала, зачем сейчас стою у плиты и варю очередную бурду. Нет, не для того, чтобы порадовать Кирилла еще одним своим творением. Он хотел отвлечь меня от боя, но плохие мысли упрямо лезли в голову. Задумавшись, к черту сожгла зажарку. Руки тряслись, а внутри все обмирало от страха.

Нет, так не пойдет.

Одевалась на автомате. В первый раз выбежала прямо в тапках, во второй – забыла сумку, и лишь с третьего раза удалось спуститься вниз без приключений. Правда, они застали меня буквально у подъезда. Моей машины – моей малышки – нигде не было. В панике бегала по двору, понимая, что авто сперли, но, осознав, откуда ноги растут, остановилась и успокоилась.

Это отец забрал – больше некому. И, сука, в самый неподходящий момент!

Мой кошелек заметно опустел, но таксист, примчавшийся на заказ, остался доволен. Знала лишь название клуба, в который Кирилл ходил на тренировки, но навигатор без труда определил адрес. Заходила в заведение с опаской. У входа терлись какие-то мужики. Курили, разговаривали, провожали масляными взглядами. Это не одно из тех мест, в которые

я привыкла ходить.

– Делайте ваши ставки! – громыхал мужской голос.

Приглушенный свет, толпа народа – все толкаются, кричат, но я смотрела только на ринг. Пробиралась вперед, с трудом расталкивая обезумевших людей. Бой уже шел, и для меня существовал только Беркут.

Он не говорил... Не рассказывал, что участвует в боях без правил. Никакого обмундирования. Только шорты и эластичные бинты на руках. Голова не защищена, босиком. Для меня это было страшно. Видеть его таким – чужим, сосредоточенным, ожесточенным. Острые, хищные черты лица. Темные глаза – такие, как бывает тогда, когда он охвачен страстью, первобытным желанием.

То, как он двигался... Опасно, четко, быстро. Ловко уходил от ударов, раз за разом нанося ответные противнику. Лишь раз пропустил, а я вскрикнула, зажимая рот рукой. Красная струйка крови стекала вниз по его лицу. Разбитая бровь ужасала.

Отвлекшись на меня, Кирилл пропустил и второй удар. Едва не упал, но в последний момент устоял на ногах, уходя в сторону. Следующая минута для меня растянулась, казалось, на целую вечность. Перед глазами все плыло, но я видела монотонные уверенные удары. Беркут не давал сопернику продохнуть. Будто торопился поскорее закончить бой, а я еле стояла на ногах.

– Сказал же, жди дома, – сразу с ринга спустился он ко

мне, почти подхватывая на руки.

– Я переживала. – Слезы все-таки скользнули по щекам.

– Беркут, твоя доля, – подошел к нам мужчина лет сорока.

Насмешливо взглянул сначала на недовольного Кирилла, а потом и на шатающуюся меня, передавая парню пухлый конверт.

– Спасибо, бро. Пойдем, лисенок.

Ждала, пока Беркут примет душ, но никак не могла прийти в себя. Уже нашла аптечку, приготовила вату, перекись и лейкопластырь. Вертела их в руках, стгорая от нетерпения, но, едва парень появился в раздевалке, забыла обо всем.

Его тело завораживало. Мощные мышцы перекатывались под кожей, а каждый его шаг вынуждал мое сердце биться чаще. Дыхание обрывалось. Так хотелось прикоснуться к его вздымающейся груди, очертить широкие плечи, ощутить, как под ладонью бьется сердце.

– Садись, я обработаю рану. – Не узнавала собственный голос.

– Брось, пустяки, – попытался он отмахнуться, но, схватив его за руку, насилу усадила.

Терпел. Лицо оставалось недовольным, но не издал ни звука, пока я возилась. Наверное, думал, что я вынуждаю его проявлять слабость, но на деле же это была забота. Мне просто хотелось помочь ему хотя бы этим. Не представляла, как это – получить удар, да еще и не один. Никогда в жизни не дралась и не собиралась.

Не скрываясь, следила за тем, как он одевается. Мне нравилось его тело. Сходила с ума, едва прикасаясь к нему. Испытывала моральное удовлетворение оттого, что все это мое. Так любила очерчивать его мышцы, царапать спину, прикусывать зубами плечо. Так любила его всего, со всеми его недостатками, которых оказалось немало. Так любила его за то, что любил меня.

Он видел все мои маски. Жестко осаживал, едва пыталась играть. Я проверяла его нервы на прочность, а он не давал мне этого делать. Всегда показывал, кто из нас главный, но я верила ему. Знала, рядом с ним я как за каменной стеной, несмотря на абсолютно разные взгляды на жизнь. Знала, если я упаду, он поможет мне подняться.

– Пойдем? Я кое-что приготовил для тебя, малыш, – подал Кирилл мне руку, помогая подняться с лавочки.

– Сюрприз? – загорелась я энтузиазмом.

– Тебе понравится.

Ночной клуб. Миллионы огней, шум возбужденной толпы. Была знакома с его друзьями, но в этой компании меня не любили. Знала, что советчики из раза в раз загружают одну и ту же пластинку. Они хотели, чтобы Кирилл меня бросил, но что они могут знать о наших отношениях?

Нет, в чем-то я была с ними согласна. Мы не подходили друг другу, но почему-то это не волновало ни меня, ни его. Наверное, чувства иногда сильнее разума. В нашем конкретном случае его вообще нет.

Стояли недалеко от танцпола. Сколько я уже выпила коктейлей? Десять? Пятнадцать? Давно перестала считать. Голова затуманивалась, мысли исчезали. Обнимала Кирилла за шею, прижимаясь крепко. Возбуждение прокатывалось неудержимыми волнами. Так сильно сейчас хотела его. Так страстно желала, а он смотрел на меня чуть насмешливо, будто я была неразумным ребенком. Все понимал. Читал как открытую книгу.

– Отец забрал у меня машину, – призналась честно, желая, чтобы Кирилл меня пожалел.

– Ты уже говорила. Дважды, – прикоснулся он губами к моему лбу, чтобы крепче прижать к своей груди. – Ничего страшного. Можно и без машины жить. Главное – вместе.

От него пахло горечью. Чем-то терпким, тяжелым, но таким родным. Жадно вдыхала запах его тела, понимая, что схожу с ума только оттого, что нахожусь с ним рядом. Мой личный наркотик. Моя сигарета, которой никогда не закуришься.

– Поехали домой, лисенок. Ты уже не стоишь на ногах, – шепнул Кирилл, намереваясь взять меня на руки.

– Э, нет... Я еще не натанцевалась, – попыталась я возразить, но стены и потолок куда-то поехали, а пол почему-то норовил встретиться с моим носом.

– Дома станцуешь. Кто-то давно обещал мне стриптиз.

И я действительно танцевала для него в эту ночь. Играла на самом любимом инструменте – его теле, позволяя се-

бе нескромные ласки. Мне безумно нравилось его заводить. Вести к самой вершине, чтобы раз за разом обламывать в самый последний момент.

Его терпения никогда не хватало надолго. Мог позволить сыграть мне раз, второй, но уже к третьему я оказывалась под ним, а лоно пронзал твердый член, вырывая не стоны – крики.

Соседи уже привыкли. Поначалу стучали по батарее, ломились в квартиру посреди ночи, но ничто и никто не мог оторвать нас друг от друга. Я упивалась страстью. Выгибалась навстречу его телу, позволяя проникнуть глубже. Терзал. Именно так, как я любила, – не сбавляя скорость ни на секунду. Беспощадно врвался в мое тело, а я уходила за такие грани, где ничто не существовало, кроме нас двоих и кроме чувств, что ложились на плечи ураганом.

Утро началось с телефонного звонка. Голова разрывалась, а какой-то смертный все названивал и названивал, заставляя несчастный телефон орать благим матом.

– Да... – прохрипела в трубку, даже не открывая глаз.

– Доброе утро, я уже в городе. Вы во сколько подъедете за щенком? – раздалось на том конце, а я чуть не свалилась с кровати.

– Через два часа, – ответила, еще до конца не проснувшись.

– Хорошо, я скину вам адрес в смс.

Стон отчаяния вырвался непроизвольно. Кирилла уже не

было дома, а потому я могла от души поматериться вслух, вспоминая недобрым словом все те коктейли, которые вчера в меня поместились. И ведь говорил же Беркут: не мешай. Но нет, мы ведь знаем лучше.

Забота парня умиляла. Приняв душ, я нашла на прикроватной тумбочке таблетку аспирина и стакан воды. Лекарство принесло некоторое облегчение, но чувствовала я себя все равно паршиво. Усугубляло положение еще и то, что мне срочно требовались пятнадцать тысяч, которые взять мне просто было неоткуда. Кошелек смотрел на меня пустотой и какой-то мелочью, которой навряд ли хватит на метро. Интересно, а сколько сейчас стоит одна поездка?

Телефон зазвонил неожиданно. Вздрогнула, выплывая из собственных мыслей, но вздрогнула повторно, едва увидела имя того, кто решил со мной связаться.

– И как тебе живется без машины и без денег? – раздался голос, полный превосходства.

– Отлично. Что-то еще? – огрызнулась я, собираясь сбросить.

– Ольга, хватит. Поигралась – и хватит. Домой вернись, – прозвучало грозно. Я будто видела отца перед собой. Понимала, что он в ярости, но внешне остается невозмутимым. До поры до времени.

– Нет, спасибо. Мне и здесь хорошо. Извини, мне пора...

– А я ведь могу сделать так, что будет плохо. Анатолий ждет тебя внизу у подъезда. Не выйдешь – работы для тебя не

найдется ни в одном городе, а та халупа, в которой ты сейчас живешь, превратится в пепел. Думаю, не надо говорить, что станет с твоим оборванцем?

Страх. Дикий, первобытный страх. Не за себя, за Кирилла. Понимала, что отец слов на ветер не бросает. У него слишком длинные руки даже за пределами этого города. Он выполнит обещанное, но навряд ли это коснется меня, а вот Беркут...

– Ты не посмеешь! – выкрикнула, вскакивая с места.

– Ты так считаешь?

Руки затряслись, а внутренности свернулись в тугой узел, вынуждая рвано выдохнуть.

– Заметь, я не запрещаю тебе встречаться с твоим оборванцем. До свадьбы. Ты ведь понимаешь, что он тебе не пара. Давай, усложни ему жизнь. Твое время вышло.

Выбора мне не оставляли. Никогда, и я к этому привыкла. Сначала учеба, потом модельное. Хотела ли я заниматься этим? Нет, но молча соглашалась.

Теперь же у меня появилась возможность кардинально изменить свою жизнь, но была ли я к этому готова?

Нет.

Ежедневно готовить ужин, которым впору только травиться. Экономить и отказывать себе почти во всем. Браться за любую работу без возможности отказаться. Ездить на метро. Забросить учебу, за которую мне просто нечем будет платить. Ждать пожар. Бояться каждого шороха. Скрывать-

ся, переезжая из города в город. Трястись, переживая, что в один из вечеров Кирилл не вернется домой...

Если бы я была одна, то, возможно, решила бы, но с Беркутом... Подставлять его не желала. Слишком сильно любила, чтобы обречь на такую судьбу. Сердце разрывалось, как если бы кто-то впился пальцами в самую его мякоть и тянул, желая оторвать кусок.

Схватив сумку, я натянула сапоги и буквально выбежала из квартиры, а затем и из подъезда. Там действительно стояло серебристое авто. Опираясь на него спиной, меня ждал мужчина лет тридцати. Темное пальто, темная одежда. Он молча открыл передо мной дверцу, а когда я села, произнес то, что просто выбило меня из колеи, погружая в тихую истерику:

– Рад познакомиться. Невестушка...

Глава 7. Кирилл

Три года назад

Удар за ударом. Так легко, монотонно, сосредоточенно. Тело пружинит, кожа помнит каждое касание, руки – каждое движение. Всегда одинаково. Ощущаешь себя роботом, механизмом, потому что все это уже было. Повторялось не раз и не два. Боль становится родной, приятной, приемлемой. Боксерская груша так и норовит дать сдачи, но не успевает за моими ударами.

Набиваю, а голова совсем в другом месте. Мысли рядом с Ольгой. Хочется успеть, не проворонить. Слишком редкие встречи в эти две недели становятся наркотиком. Я живу от дозы до дозы. Упиваюсь ее запахом, меня ломает от прикосновений к ее коже. Мне хочется постичь самую суть, ворваться в ее душу, овладеть ей, но иногда мне начинает казаться, что это дело заведомо проигрышное. Будто там, внутри, совсем нет души. Пустота, разбитая на осколки, которые ранят. Ранят меня.

Деревянный манекен мелькает перед глазами. Руки отрабатывают удары, но я не здесь. Я уже там – рядом с универсом, в котором она учится. Ловлю ее взгляд, рассматриваю длинные волосы, в которых оранжевыми пятнами играет осеннее солнце. Уже целую ее, пью ее губы, кусаю, чтобы найти в ней сопротивление, недовольство, злость. Когда я пропал? Давно

и безнадежно. Еще в школе, когда ее отец не был успешным предпринимателем и они жили в обычном многоквартирном доме с полуразрушенной детской площадкой во дворе.

Часто ошивался там. Видел ее, пытался поймать ее взгляд, привлечь внимание. Она всегда проходила мимо, не удоставая и взором. Всегда с подругами – не решался подойти. А когда решился, не успел ничего сказать. Она недоуменно улыбнулась и села в подъехавшую машину.

Видел, как парень лет на пять ее старше целует ее, а его ладони скользят по ее ногам, забираясь под короткую юбку. Помнил, как хотелось разгромить это авто, нарваться на драку, но не отпустить ее с ним. Тогда не мог ничего. Щуплый, слишком худой, серый. О моем существовании даже не подозревали в этом мире. Мусор под ногами – вот кем я был.

Помнил, как поймал ее у школы и предложил помочь ей донести рюкзак. Прищурившись, она окинула меня надменным взглядом, но, не найдя ничего интересного, всучила сумку и пошла вперед, полностью окунаясь в экран телефона. Я пытался шутить, что-то говорить – нес откровенную чушь, но она меня не слышала, сосредоточившись на переписке.

Даже не попрощалась, когда у подъезда забирала рюкзак. Я для нее просто не существовал. Был одним из тех, кто мечтает о ней. Одним из толпы восторженных поклонников, тогда как она предпочитала тех, кто вытирает об нее ноги.

Алкоголичка мать, проблемы с учебой. Я воровал, чтобы

есть, как это было со многими. Постоянные приводы, новые косяки. Жизнь шла под откос, но во мне, в моей душе, не было ничего, кроме ярости. Ярости на весь этот мир.

Тогда же я и попал сюда – в этот клуб. Попытался ограбить мужика, который в итоге поймал меня за шкуру и сломал нос, чтобы проучить. Сам же потом лечил. Эдик называл меня волчонком, а я обижался и бился еще яростнее. Я почти жил здесь, а он следил за тем, чтобы я учился. Многократно получал оплеухи за двойки и жалобы, но радовался им, потому что кому-то в этом мире было небезразлично мое существование.

Эдик сам занимался со мной. Учил драться, направляя мои эмоции в правильное русло. Я стал спокойнее, свободнее, вымещая свою ярость на противниках. Каждый бой что-то ставил на место во мне. Никаких правил, кроме внутреннего – не убивать. Те, кто приходил сюда, знали, на что шли, но я не желал уподобляться животным, как не хотел и того, чтобы меня нашли мертвым в какой-нибудь подворотне, а потому старался закончить бой в первые же минуты, нокаутируя противника.

– Беркут, сто отжиманий! Ты мне сегодня не нравишься, – крикнул Эдик, отпуская молодняк с тренировки.

Приняв упор лежа, отжимался на кулаках, не заботясь о дыхании. Бешеная скорость – лишь бы успеть. Не мог уйти раньше. И нет, не из-за тренировки, а потому что ждал, пока придут Питон и Паук. В нашем серпентарии намечалось

интересное дело, участие в котором не сулило ничего хорошего, но вариантов не было.

Клуб давно работал в убыток – здесь занимались бесплатно. Те, кто участвовал в боях, конечно, отдавали часть своего выигрыша, но этого хватало только на то, чтобы оплатить аренду. А ведь еще нужна экипировка, какая-никакая одежда для молодняка, еда. Некоторые из них даже ночевать оставались здесь, потому что дома их ждали побои и невменяемые родители. В каждом из них я видел себя – разбитую, израненную душу в истощенном теле. Я хотел помогать и мог это сделать.

– Все, давай заканчивай и проваливай, – кивнул Эдик, заведя, как в зал входят старшики.

– Бро, я тоже хочу помочь, – подошел я к нему, вытирая лицо полотенцем.

– Ты очень поможешь, если свалишь сейчас отсюда, – спокойно отбрил меня Эдик.

– Я серьезно.

– Я тоже, – произнес он с нажимом.

– Что за терки? – опустил свою лапищу мне на плечо Паук.

На паука он походил лет так пять назад, когда его можно было спрятать за шваброй с его худыми ногами и руками, но погоняло осталось до сих пор, несмотря на то, что он раскчался и стал как три меня в ширь.

– Да малец возомнил себя важной шишкой, – усмехнулся Эдик. – Думает, что дорос до того, чтобы включиться в дело.

– А что? Давай испытаем пацаненка? – улыбнулся Питон так, что и не поймешь: серьезно он на моей стороне или прикалывается.

– А если он нам дело завалит? Нет, на такие риски я не пойду, – настаивал Эдуард.

– Бро, я не подведу, серьезно. Я ведь знаю, как это важно для клуба. Это и мой дом тоже.

Видел, что Эдик недоволен, но мы задавили его количеством. Он с сомнением поглядывал на меня, когда разъяснял план. Три точки продажи ювелирных украшений – три налета – три ограбления. Начинали с самой маленькой уже завтра, чтобы потренироваться и посмотреть, чего я стою. Планировали встретиться вечером и идти уже в ночь, чтобы не привлекать лишнее внимание. Я горел этой идеей, ощущал невиданный подъем сил, но волновался. Нельзя допустить ни единой ошибки.

– До завтра, – кивнул я братьям и, схватив куртку, покинул клуб.

Поглядывал на часы – старые, дедовские, но такие дорогие сердцу. Уже опаздывал, а потому шел спешно, почти бежал. Пульс стучал в ушах дробным ритмом, когда я вышел на площадь перед ее универом. Смотрел издали, как спускается по лестнице – сразу заприметил ее в толпе. Яркое рыжее пятно, что выделялось среди красок осени особым теплом.

Кивнув какому-то мудаку у серебряной тачки, она отошла от машины. Смотрела на меня, ждала, пока подойду. С ней

все вокруг всегда замедлялось. Она стала центром моей жизни, но иногда я ловил себя на мысли, что ненавижу ее. Ненавижу именно потому, что люблю.

Люблю и не получаю взаимности, хоть и знаю, что любить ее нельзя. Нельзя открывать ей чувства, иначе потеряет интерес. Нет, она была со мной, проводила часы, которых всегда было мало. Клубы, тусовки, такие редкие ночевки в последнее время. Она давала мне возможность наслаждаться ее телом, ловить ее губы, но не подпускала ближе. Не допускала в самую суть. Определенно что-то скрывала.

Все кардинально изменилось две недели назад, когда мы впервые поругались.

Вернувшись домой, я нашел ее сидящей на кухне. У подъезда стояла ее машина, стол был сервирован ресторанной едой, а на полу лежал щенок стаффордширского бультерьера. Сразу понял, что отец вернул ей все блага цивилизации, но меня волновала цена.

Черт, ведь мы бы прорвались. Да, я не мог содержать ее в роскоши, но и голодать или выглядеть хуже, чем другие, я бы ей не позволил. Знал, как много значат для нее финансы. Именно поэтому сегодня фактически ввязался в криминал. Понимал, если будут деньги, она вернется ко мне. Продажная сука, которую я так сильно люблю.

– Привет, лисенок? – улыбнулся я, касаясь пальцами ее щеки.

Вывернувшись, она настойчиво взяла меня за руку и ото-

шла еще на несколько шагов в сторону.

– Что ты здесь делаешь? Я же сказала, сама позвоню, – строго глянула она на меня.

– Не смог удержаться. Я соскучился, родная. – Приобнимал ее за талию, но Оля отстранялась, искоса поглядывая на водителя.

– Отец убьет тебя, если еще раз увидит рядом со мной. Пожалуйста, не нарывайся, – взмолилась она шепотом, показывая свое истинное лицо. Надменность растворилась, уступая место слабости.

– Я не боюсь. И ты не бойся за меня, ладно? Мы прорвемся.

Не сдержавшись, я прижал ее еще крепче. Ощущал ее губы в вырезе футболки. Шумно вдыхала, а я зарывался носом в ее волосы, целуя макушку. Ее объятия – самое желанное, что может быть.

Достав из кармана киндер, я протянул ей его на ладони, вызывая такую милую искреннюю улыбку. Сердце болезненно сжалось. Ее отец был против нас, как только выяснил, что у меня за душой нет ни гроша. Я пытался с ним встретиться, чтобы поговорить, но его охранники настоятельно не рекомендовали мне этого делать – ударом в челюсть.

Собирался исправить мнение о себе, показав, что со мной Ольга не будет ни в чем нуждаться. Ради нее готов был на все и даже больше. Деньги будут. Лишь бы она оставалась рядом.

– Мне пора. Мы встретимся завтра вечером? – спросила

она, заглядывая мне в глаза.

– Нет, лисенок. Завтра я буду занят, – ответил ей честно.

– Снова бой? – такая милая в своей наивности.

– Можно и так сказать. Я тебе напишу.

Так и стоял посреди площади. Провожал машину взглядом, а Ольга смотрела на меня до тех пор, пока авто не скрылось за поворотом. Пульс учащался, страх накатывал волнами. За нее. Понимал, что сделаю все, чтобы мы всегда были вместе.

До последнего вздоха.

Глава 8. Ольга

Три года назад

– Да, несомненно. Цены в наших магазинах на порядок ниже, чем у наших конкурентов, но качество... Даже в столице вы не найдете золото такого качества. Кроме того, наша ювелирная мастерская давно славится на весь город. Было бы желание...

– И деньги... – перебила отца молоденькая журналистка.

– Конечно, – важно кивнул он.

Я стояла с бокалом шампанского в руках и натянуто улыбалась на камеру. В нашем городке открытие нового ювелирного магазина – что-то сродни невероятному по важности мероприятию.

Но ладно люди – они пришли, убежденные в том, что их сегодня ждут огромные скидки и акции. И это понятно – реклама гремела по всем телеканалам всю предыдущую неделю. Правда, чтобы сделать все эти скидки и акции, отец предварительно поднял цены почти в два раза. Обманщик сотого уровня.

Знала, журналистов из столицы он пригласил специально. Очень много заплатил, чтобы получить такую обширную рекламу. Как же, под статью отдадут целую страницу.

Красная ленточка была разрезана. Покупатели изучали витрины, что-то примеряли. Мне бы и сбежать бы уже от-

сюда, но отец команды не давал. Молилась об одном: лишь бы наши с Анатолием фотографии не попали в этот журнал. Нет, конечно, Кирилл навряд ли читает подобную макулатуру, но так открыто подставляться не желала. Лучше сама расскажу щадящую версию, а там...

Вдруг удастся что-нибудь придумать.

– Ходят слухи, что вы собираетесь расширять бизнес за пределами города. Это правда? – никак не отставала журналистка, а я пыталась незаметно избавиться от навязчивых объятий Анатолия.

Меня всю передергивало, едва он меня касался. Неприятный мерзкий тип. Он уже сейчас скатился до угроз, едва получал в ответ малейшее неповиновение с моей стороны. Что же будет дальше?

– Да, вскоре мы выйдем совсем на другой уровень. Наш будущий компаньон – небезызвестный Анатолий Волчанский, владелец сети ювелирных салонов и жених моей драгоценной Оленьки. Вместе мы намереваемся захватить столицу.

Меня вытолкнули вперед. Руки мерзавца обвили мою талию, а сам жених во все тридцать два белоснежных вставленных зуба улыбался на камеру. Вместе с отцом они продолжали отвечать на вопросы, передавая меня друг другу, словно куклу, но я ничего не слышала. Думала только о том, как побыстрее сбежать с чужого праздника жизни.

Интересно, а если я сейчас расскажу женишку о том, что

на этой неделе два из трех отцовских магазинов обворовали, он отменит нашу свадьбу? Ведь по факту сейчас у папеньки денег нет, а страховку когда выплатят – неизвестно. Не зря же отец не предает случившееся огласке. Никак спугнуть женишка боится.

– Улыбайся, – прошипел отец, больно схватив меня за плечо.

И я улыбалась еще несколько часов. Улыбалась, вспоминая Беркута и наши последние встречи. На неделю моды отец меня не отпустил, и Кирилл радовался как мальчишка, умыкая меня прямо из универа. В жизни так не смеялась. словно шпионы, пробирались через черный вход, о существовании которого я даже не подозревала. Гуляли по торговому центру, а он скупал мне все, на что я только указывала пальчиком. Называл меня вороной вместо привычного лисенка. Но я же не виновата, что мне нравится все блестящее.

Правда, этот побег мне так и не простили. Я обещала отцу ночевать дома, а потому вернулась ночью, несмотря на то, что мне совсем не хотелось оставлять Кирилла. Он не понимал, с чего я вдруг уезжаю в пять утра, тогда как мы могли поспать вместе еще несколько часов. Не понимал, но я боялась вываливать на него всю правду или хотя бы ее часть. Теперь же вариантов не оставалось.

Не оставалось, потому что предыдущий скандал дал мне явно понять, что я ничего не стою. Не понимала: за что ко мне такое отношение? За что меня так легко продают, как

вещь? Как очень дорогую вещь.

Единственным светлым лучиком в эти дни для меня оставался Беркут. На вопрос: «Что происходит между вами?» – я бы ответила: «Абсолютно все».

А как еще это назвать? Он накрывал меня одеялом, когда я спала. Приносил мне чай, не забывая печенье, которое покупал специально для меня – с сахаром и корицей. Прятал от дождя под своей курткой и даже нес на руках, когда понял, что до моей машины мы сможем добраться только вплавь. А розы...

Не представляла, сколько он потратил на цветы, которые в виде сердца были выложены под моим окном. Может, и украл их – мне уже было неважно. И как только на территорию прорвался незамеченным? И ведь смог. Ради меня смог, столько всего сделал.

Именно поэтому я чувствовала себя последней дрянью. Потому что обманывала, нагло врала, глядя ему в глаза. Потому что приходила тогда, когда он так сильно был мне нужен. Потому что купалась в его любви, хоть он и никогда не говорил о своих чувствах вслух. Да и не надо было, ведь я просто не смогла бы на них ответить. Нет, не из-за того, что ничего не испытываю – еще как испытываю. Люблю.

Люблю до безумия, до бессилия, до тихого воя в подушку. Люблю, но никогда не скажу об этом, потому что слишком больно будет нам обоим, когда я уйду. А я уйду, если сегодня мы ничего не придумаем.

– Ты куда? – окликнул меня жених, едва я собиралась выйти через черный вход.

– Покурить. Это я могу себе позволить до свадьбы? – огрызнулась я, накидывая на плечи поверх короткого платья меховую куртку.

– Я не собираюсь целовать пепельницу, – резко ответил он, ярко выражая презрение.

– Так пепельница и не предлагает.

Дверца захлопнулась за моей спиной, оглушая дребезжанием металла. Я просто хотела успокоиться. Хотела постоять на обжигающем холодом ветру, сделать пару затяжек и успокоиться.

Консультанты магазина при моем появлении затихли, хотя до этого явно что-то обсуждали. Не обращала на них внимания, пытаюсь подкурить сигарету. Огонек зажигалки трепыхался и гас.

– Простите, это здесь сегодня новая ювелирка открылась? – прозвучал надо мной чужой бас, а я подняла взгляд, чтобы увидеть довольно ухмыляющийся шкаф. Просто подругому и не смогла бы назвать. Одни сплошные плечи и мышцы под распахнутой курткой да лысая голова, венчающая то, что должно быть шейей.

– Угу, – только и смогла кивнуть, а уже в следующую секунду меня схватили и закинули на чужое плечо под оглушительный крик девочек-консультантов.

Я и сама визжала, выронив и сигарету, и зажигалку. Сту-

чала кулаками по спине мерзавца, но он даже скорости не сбавил. Только у одной из машин и остановился, чтобы закинуть меня на заднее сиденье...

– Ты идиот! – прокричала я, изо всех сил колотя Беркута кулаками. – Да ты знаешь, что я пережила за последнюю минуту?!

Скрутив мои руки – не больно, но крепко, – парень прижал меня к себе и накрыл мои губы нежным, мягким, таким сладким поцелуем. Он стал глотком воздуха, самым лучшим успокоительным. Так тепло и хорошо. Даже прибить его теперь хочется куда меньше.

– Что? Вся жизнь перед глазами пронеслась? – насмешливо произнес он и осторожно прикоснулся губами к кончику моего носа. – Это Кеша – еще один мой брат. Он любезно согласился подвезти нас в бар.

– Да я чуть не умерла со страху, – обиженно засопела я, уже не имея ни сил, ни желания кричать.

Понимала, за мое похищение в первую очередь влетит именно мне, но сейчас это было незначительно, неважно. Я вырвалась, Беркут со мной – это главное, а обо всем остальном я подумаю завтра, потому что «завтра» может быть слишком разным.

– Крику ты, конечно, навела, – глянул на нас через зеркало заднего вида тот самый Кеша, уже выезжая на центральную дорогу.

А мне почему-то стало так стыдно, но я ведь не знала. Не

знала, что парень, которого я люблю, настолько сумасшедший. Мой сумасшедший.

* * *

– Мы приехали на самую окраину. Почему именно этот бар? – спросила, выбираясь из авто.

Моя малышка – моя машина – так и осталась стоять, припаркованная у магазина. Плохо, потому что все деньги я оставила вместе с сумкой именно там. При себе у меня был только телефон, который я без зазрения совести отключила.

– Мы не в сам бар, если честно. Хочу познакомить тебя с еще одним своим другом, – вел он меня к центральному входу, который не имел никакой особой вывески. Если бы не знала, что это бар, никогда бы не подумала, проходя мимо.

– Еще один друг? Может, хватит с меня на сегодня потрясений? – за смехом пыталась скрыть нервозность, что так и прорывалась наружу. Или сегодня поговорим, или никогда.

– Уверен, этот тебе понравится, – загадочно ответил Кирилл.

Баром бы я это заведение назвала с натяжкой. Нет, конечно, здесь была барная стойка, столики с диванами и даже небольшая сцена, на которой выступали какие-то парни, пытаясь играть что-то вроде рока. В такой музыке я не разбираюсь совершенно, но гости кивали в такт, махали руками и свистели, подбадривая группу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.